

Книжная полка

Попытка прощания

«Борис Попов предсказал свою судьбу»,
– пишет Светлана Gladkova, вдова поэта

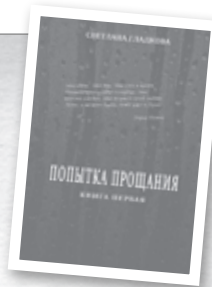
Вышли в свет мемуары «Попытка прощания. Книга первая» (12+), ставшие честным свидетельством культурной жизни Магнитогорска 1970–1990-х годов. Их автору Светлане Gladkova выпала удивительная судьба, которая вроде бы не приметной, но прочной ниточкой вплелась в полотно русскоязычной литературы. Жена и муза Бориса Попова (5.10.1946–20.01.1996), чьи стихи любимы в России и за рубежом, мать Ивана Попова (родился 27.09.1991), одного из самых ярких поэтов современной Магнитки, она наделена не менее редким талантом – даром беззаветной, жертвенной любви. Оторваться от её воспоминаний невозможно: они написаны кровью, как всё настоящее.

Светлана Владимировна нашла в себе силы рассказать о пережитом лишь через двадцать лет после гибели мужа – работу над книгой начала в январе 2016-го. Ценители творчества Бориса Попова наверняка уже знакомы с главами, которые, по мере их написания, публиковались на сайте международного литературного клуба «ИнтерЛит», редактором которого – Валерии и

Владимиру Ноздриным – Светлана Gladkova благодарна за информационную поддержку и человеческое участие. «Попытка прощания. Книга первая» издана в канун 75-летия поэта. Название мемуаров, посвящённых эпохе Бориса Попова в магнитогорской литературе, обещает: продолжение следует.

Редактор книги Иван Попов в предисловии пишет: «Первая и заключительная главы повествования отмечены дипломами международных творческих конкурсов «У меня звонил телефон» (2018) и «С песней по жизни» (2017). Вторая же часть книги включает в себя не только материалы о поэте, но и «артефакты» из семейного архива – стихотворения, не вошедшие в прижизненные издания».

«Попытка прощания» в электронном виде размещена для свободного скачивания на сайте «ИнтерЛит», а в бумажном скоро появится в городской библиотеке. Сегодня в нашей литгостине – отрывки из мемуаров Светланы Gladkova и стихи Бориса Попова, включённые в книгу.

✍ Елена Лещинская

Воспоминания

«Хоть бы снег скорее выпал...»

✍ Светлана Gladkova

Из книги «Попытка прощания» (12+)

Стихи Борис писал ночью – никто не мешал, не отвлекал от главного. Каждое утро я находила на столе новое стихотворение – в тот период почти все они были посвящены мне, – и это было потрясающе. Летом 1989 года мы были вместе и не знали ещё, что нас, как часто высокопарно и едва ли обоснованно произносят, разлучит только смерть.

– Борис, как ты пишешь? – спросила я однажды.

– Как будто открывается что-то... *

Меня с Ванечкой выписывают из роддома 3 октября. Передаю свёрток с сынишкой Борису и говорю: «Это подарок тебе ко дню рождения», – 5 октября мужу исполняется 45 лет.

Владимир Мозговой и Ольга, его вторая жена, пришли поздравить Бориса и посмотреть малыша. Они принесли огромный, сладкий, хрустящий арбуз.

Когда гости ушли, я спросила Бориса:

– Что для тебя главное в жизни?

Ни секунды не сомневалась в ответе: «Ты и Ваня».

И услышала:

– Мои стихи. Моя книга. *

Рукопись первой книги стихов Бориса «Светает в шесть...» (12+) после одобрения и рекомендации её к изданию на бюро отделения советских писателей пролежала в столах около пяти лет. За эти годы она прошла сквозь зоркие очи трёх редакторов и несметного количества рецензентов. Почему же столько времени она томилась взаперти? Ответа на это уже никто не даст – только догадки, домыслы, круги на воде... *

Самолёт оторвался от взлётной полосы и начал набирать высоту. В иллюминаторах – ночная мгла. Глотаю набежавшие слёзы. Это моя очередная командировка в Москву. Всегда тяжело уезжать из дома. Сегодня – особенно. Борис в больнице. Я даже не смогла навестить его перед отъездом. Ваня третий день температурит.

Я никак не могла собраться в эту командировку. И когда Ваня уснул, раздался телефонный звонок. Борис. Это потом, 20 лет спустя, позвонить из больницы будет левое дело. А в 1996 году сотовой связи нет, а то, что пациенту разрешили позвонить с поста дежурной медсестры, – вообще

невероятно. И то, что я дома, а не ушла за билетом, – наверное, судьба.

– Света, я очень тебя люблю. Я очень люблю тебя и Ваньку. Скоро увидимся.

За шесть с половиной лет совместной жизни я услышала эти слова в первый раз. И в последний. *

Мама встретила меня неприятной новостью – Борис пропал. Ушёл из больницы проводить меня в командировку и не вернулся. Я подала заявление об исчезновении человека в отдел милиции Орджоникидзевского района. Мне обещали приехать к нам домой произвести обыск на случай проверки моей причастности к преступлению.

31 января я сама поехала в морг первой городской больницы. Служащий морга сообщил мне, что похожий на моё описание мужчины был. Его тело находилось в морге 10 дней и было захоронено вчера. За государственный счёт, как неопознанный труп. Могила под номером 137. Борис был зверски избит и брошен умирать на морозе. Его тело нашли утром 21 января на территории кранового завода.

Спи, моя ненаглядная, спи,

не ворочайся в бедном бреду.

Чтоб не видела ты,

я в степи,

в зауральской степи упаду.

Разрешение на перезахоронение я получила только после того, как подписала протокол опознания трупа и бумаги, что у меня нет никаких претензий к следствию. До последнего момента, пока гроб не подняли из могилы, надеялась на чудо, молила Бога, чтобы там оказался не Борис... *

Умирать от переохлаждения – не страшно, сказал мне следователь. Это только сначала холодно, а потом уже становится тепло. *

Любую из книг Борис открываю как собственную биографию: в каждой – стихотворения, посвящённые мне; события, читаемые между строк, пережиты нами вместе – и, перелистывая страницы его сборников, я возвращаюсь в прошлое, заново проживаю лучшие (и не очень) дни нашей жизни. Борис предсказал свою судьбу – вплоть до самых ужасающих, леденящих душу подробностей. *

Когда становится невыносимо грустно, слушаю песню Виктора Мельникова «Ожидание снега» («Хоть бы снег скорее выпал...»). Это не единственное стихотворение Бориса, положенное на музыку, но самое знаменитое. «Снега хочется, как счастья...»

Поэзия

✍ Борис Попов

Школа

Лай собак и крик гусей,
лето сильное и злое...
Школа номер тридцать семь,
постаревшая от зноя.
Привалюсь к оградке той,
где штаны я рвал когда-то...
В этой школе золотой
я учился плоховато!
Помню, помню – свет и тень
общей муки восьмилетней...
Не забыл сентябрьский день –
и начальный, и последний!
Мальчик в цыпках и в пыли,
с невозможными глазами –
у родной своей земли
я выдерживал экзамен!
Помню, помню – наизусть –
всех спряжений построень...
Ах, какая это грусть –
неизбежность постаренья!
Привалюсь к оградке той,
улыбаясь виновато...
В этой школе золотой
я учился плоховато!
Но года летят назад –
манит прошлое и мучит,
как звезда или как сад!
Рядом гномик –
тихий взгляд –
«Парус» Лермонтова учит!..

Время скворцов

Это время скворцов. А они ещё не прилетели.
Расплываются лужи в разорванной пряже реки.
Это время юнцов, это косы и бусы апреля,
это лужи и ложь, это горечь неверной строки.
Не даёт мне покоя твоя неприступная совесть.
Ты уже и не смотришь глазами любви на меня.
Что мне делать, скажи – удивлюсь, удавлюсь, успокоюсь,
сяду в поезд, сойду, брошусь в воду, сгорю у огня?
Крупный запах грехов, ртутный, верченый запах распада.
Было так хорошо, что не верилось в близкий конец.
Это время скворцов, а скворцам разлетаться не надо.
Это время юнцов, и, конечно же, я не юнец.
Дай мне руку свою. Я её поцелую на память.
Неужели не чувствуешь, как мои губы печёт?
Как любовь тяжела под моими сухими губами?
Уходи. Уезжай. Это, кажется, полный расчёт.
Говорят, существует какая-то мёртвая зона –
для бредущих во мраке, не видящих света людей.
Укажи мне края горючего того горизонта –
и убей нечестивца! Я сам признаюсь, что злодей.
Не коснутся тебя моя скверна и жалкие вирши.
Уезжай, уезжай и прощай, и прости, говорю!
День растёт в вышину. И скворцы поднимаются выше,
чтоб соткать для меня погребальную злую зарю.
Нет, помедли ещё... неужель не расколется небо?
Улыбнись, как ты можешь. Ну просто, прошу, улыбнись.
Я уже не с тобой, но шепчу тебе горько и немо:
улыбнись, моя жизнь, оглянись, оглянись, оглянись!
Скользкой, чёрной тропой ты стремишься пробиться к апрелю –
ну оставь хоть бы звук, хоть размытый рисунок следа.
...Это время скворцов. И, конечно, они прилетели.
Это время концов. Это память, полёт и беда.

Светланин день

С тобой шли мы вечером, и вот
возник тогда серебряный, хрустальный,
мгновенный, словно снимок моментальный,
скользящий дождь. И у чужих ворот
расцвёл любви цветок сентиментальный.

Я говорю: мы шли по той тропе,
которую протопытали греки,
легко прощаясь, и уже навеки,
ища в парной и приторной траве
свою мечту о вечном человеке.

...Я прикурив, три спички доконав.
Подмокшая чадила сигарета.
Чудили звёзды. Ночь была согрета
дымящимся зловонием канав,
но холодела с близостью рассвета.

Ты близорука, милая, учти.
Три спички доконав, рискнув последней, –
благословляю ливень этот летний,
сваливший наземь нас на полутьму!
Нет ничего теплее и безвредней.

А влажный шёлк несколько не шуршит.
А волосы у женщин пахнут елью.
Заколки, как иголки, запотели.
И сердце, сердце голое дрожит –
и пусть, не трусь, ну что ты в самом деле!

Повытравлены волки, нет людей.
Усни, усни плечом к плечу со мною.
Приснится сон – и солнышко сквозное,
и ночь ночей, и тень, и свет, и день,
и дорогое платье привозное.

Дед

Ночь наступит, глухая и длинная.
Выйдет дед по свою махру –
и его борода былинная
заполочется на ветру!
Козью ножку во тьме закручивая,
невзначай, мой ночной дедок –
вспомнит всё то, что раньше мучило
и что вспомнить вчера не мог.
Жизнь прошла! А была хорошая...
Всё случалось – добро и зло.
Ведь недаром седой порошею
время голову обнесло.
Одинокий огонь сигарочки.
Боль под сердцем, и в сердце – боль.
У Тамарочки-санитарочки
были косы круты, как смоль.
...Отступления и ранения,
вдовий дым городов и сёл,
и ранения, и пленения –
помнит дед... Да не скажет всё.
А – затопчет огонь подошвою
да поёжится от ветерка.
Жизнь хорошая.
Жизнь хорошая!
Только больно уж коротка...